

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-64-87

Е.Ю. Иванова¹, Г.И. Кустова^{2, 3}, С.И. Лесева⁴

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
119034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,
119019 г. Москва, Российская Федерация

³ Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

⁴ Институт болгарского языка имени проф. Любомира Андрейчина
Болгарской академии наук,
1113 г. София, Республика Болгария

Датив при глаголах проявления признака в болгарском языке

Наименее изученной функцией болгарского местоименного датива является маркирование субъекта мнения и оценки. Эта функция реализуется прежде всего в разговорной речи, в частности, в ее письменной форме – языке интернет-коммуникации. Основное внимание в статье уделено группе отаъективных глаголов со значением «проявлять перцептивно воспринимаемый признак, обозначенный мотивирующим прилагательным» (*белея, жълтея, киселея, сладня*), которые присоединяют датив в функции не только экспериенцера, но и субъекта мнения, прежде всего – эпистемической оценки: *Млякото леко ми сладни*. 'Молоко мне кажется слегка сладковатым'. Наблюдается присоединение такого датива к другим глаголам этой словообразовательной структуры (*Глупее ми този виц*. 'Этот анекдот мне кажется глупым'), а также входение его в модели с интерпретационными предикативами.

Ключевые слова: датив, экспериенцер, субъект оценки, эпистемический субъект, предикаты восприятия, цветковые предикаты, разговорный болгарский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванова Е.Ю., Кустова Г.И., Лесева С.И. Датив при глаголах проявления признака в болгарском языке // Рема. Rhema. 2022. № 3. С. 64–87. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-64-87

© Иванова Е.Ю., Кустова Г.И., Лесева С.И., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

E. Ivanova¹, G. Kustova^{2, 3}, S. Leseva⁴

¹ Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, 119034, Russian Federation

² V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS,
Moscow, 119090, Russian Federation

³ Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

⁴ Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences,
Sofia, 1113, Republic of Bulgaria

The use of the dative pronoun with attribute-denoting verbs in Bulgarian

The least studied function of the Bulgarian dative pronoun is that of the subject of opinion and appraisal. This function is realised primarily in the colloquial language and its written form – internet communication. The paper is focused on deadjectival verbs meaning “have a perceptively observable attribute denoted by the motivating adjective” (*beleya* ‘be/show white’, *zhalteya* ‘be/show yellow’, *kiseleya* ‘taste sour’, *sladnya* ‘taste sweet’), which may be used with a dative pronoun marking the subject of opinion (the subject of epistemic assessment, in particular) rather than the experiencer: *Mlyakoto leko mi sladni*. ‘The milk tastes somewhat sweet to me’. We also study the use of the dative pronoun with other verbs with the same word-formation structure (*Glupee mi tozi vic*. ‘This joke sounds (a bit) stupid to me’), as well as with predicates denoting interpretation.

Key words: dative, experiencer, subject of opinion, epistemic subject, predicates of perception, colour predicates, colloquial Bulgarian

FOR CITATION: Ivanova E., Kustova G., Leseva S. The use of the dative pronoun with attribute-denoting verbs in Bulgarian. *Rhema*. 2022. No. 3. Pp. 64–87. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-64-87

1. Введение

1.1. Функции датива в болгарском языке

Местоимения (прежде всего личные) в болгарском языке являются единственной частью речи, сохранившей падежные формы. У личных местоимений имеются 3 падежа – именительный, дательный, винительный. Оба косвенных падежа представлены полными и краткими формами. Для употребления полных форм личных местоимений требуются особые коммуникативные и/или синтаксические условия, которых здесь мы сейчас не касаемся. Краткие формы являются клитиками.

Клитические формы дательного падежа (*ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им*) в болгарском языке многофункциональны (см. прежде всего [Петрова, 2006], также [Чешко, 1959, с. 16–36; Граматика, 1983, с. 191–197; Джоннова, 2003; Ницолова, 2008, с. 146, 156–157, 165–169, и др.]).

Наиболее важными функциями датива в современном болгарском языке являются роли адресата (1), реципиента (2), бенефактива/малефактива (3), экспериенцера (4). Клитика дательного падежа используется и как «этический датив» [Петрова, Иванова, 2016, с. 283–286], как в (5).

- (1) *Разкажи **ни** за себе си.*
'Расскажи нам о себе.'
- (2) *Той така и не **ми** върна парите, които ми дължи.*
'Он так и не вернул мне деньги, которые мне должен.'
- (3) *Той **ми** пречи да чета.*
'Он мешает мне читать.'
- (4) *Студено ли **ти** е?*
'Тебе холодно?'
- (5) а. *Каква **ти** радост!*
'Да какая тут [тебе] радость!'
 б. *И това **ми** било справедливост!*
'И это [мне] называется справедливость!'

Краткие личные местоимения в дательном падеже в ходе развития болгарского языка получили способность выступать и как клитики именной группы, выполняя, таким образом, функции краткого притяжательного местоимения в позиции несогласованного определения (6а). Как выразился Л. Андрейчин, посессивность в истории болгарского дательного выделилась из других видов «заинтересованности», и ряд кратких дательных форм личных местоимений расщепился на два омонимичных ряда [Андрейчин, 1958, с. 200] (см. также [Минчева, 1964]), ср. притяжательное (6а) и личное (6б) местоимения:

- (6) а. *Купих картината **ти**.*
 ‘Я купил твою картину.’
- б. *Купих **ти** подарък.*
 ‘Я купил тебе подарок.’

Еще более широкий набор функций имеет возвратная клитика дательного падежа *си*, которая может выступать не только как аргументное и притяжательное местоимение, но и указывать на реципрокальные отношения, а также функционировать как словообразовательная, интенсифицирующая и модальная частица. О синтаксическом алгоритме снятия этой омонимии см. [Иванова, Петрова, 2017, с. 87–100].

Помимо перечисленных (и хорошо изученных) функций датива, с недавних пор стали появляться предложения о выделении у болгарской дативной клитики особых функций, связанных с фигурой оценивающего субъекта: «доксического» субъекта (субъекта «недостовверного знания») [Градинарова, 2003, с. 5–6; Градинарова, 2017, с. 58–64; Иванова, 2016], или «эпистемического» субъекта [Циммерлинг, 2018; Циммерлинг, 2021, с. 302–303], а также субъекта утилитарной оценки [Там же, с. 302].

Так, в предложениях (7)–(9) включением датива не просто маркируется экспериенцер, но и вводится фигура субъекта мнения или оценки. Русские переводы хорошо отражают это добавочное значение через необходимость употребления глагола *казаться* или других средств выражения своей личной точки зрения или предпочтений.

- (7) а. *Мирише на газ.*
 ‘Пахнет газом.’
- б. *Мирише **ми** на газ.*
 ‘Мне кажется, что пахнет газом.’
- (8) а. *Дисплеят синее повече от тези на другите лаптопи.*
 ‘Этот дисплей светится синим (букв.: синееет) больше, чем [дисплеи] других ноутбуков.’
- б. *Екранът на телевизора леко **ми** синее, но не е от настройките.*
 ‘Экран телевизора мне кажется синеватым/голубоватым (букв.: слегка мне синееет), но это не от настроек.’
- (9) а. *Виното киселее.*
 ‘Вино кислит.’
- б. *Не си падам по бялото вино, киселее **ми**.*
 ‘Я не любитель белого вина, для меня оно кислотовато.’

Датив в подобных специфических функциях получил распространение в современной разговорной речи, особенно в ее письменной форме, реализуемой в интернет-коммуникации, и охватывает, как мы покажем далее, разнообразные типы структур, хотя часть их еще воспринимаются как нестандартные с точки зрения языковой нормы. Группа отыменных глаголов со значением проявления признака наиболее показательна для иллюстрации этого процесса.

1.2. Отыменные глаголы проявления признака в болгарском языке

В фокусе нашего внимания находится прежде всего одна из самых лексически богатых групп со значением проявления признака – отадъективы с финалью *-ея*, напр. *киселея, белея, жълтея, влажнея* (как увидим, они же легче всего присоединяют датив в интересующих нас функциях). Привлечены к рассмотрению также отыменные перцептивные предикаты на *-а/я* (*горча, лютя, паря, сладня*) – группа немногочисленная, но активно используемая, в основном, с экспериенциальным дативом.

Значительная часть глаголов этих групп могут иметь разные значения, связанные со способом реализации проявляемого признака, поэтому требуется кратко охарактеризовать их семантическую парадигму в целом.

Отыменные глаголы на *-ея* (в 3 л. ед. ч. с финалью *-ея*) в болгарском языке имеют два основных значения: 1) ‘проявлять признак, заданный мотивирующим именем’ и 2) ‘приобретать и накапливать такой признак’ [Радева, 1993, с. 38–69].

Оба значения фиксируются, например, при глаголах *сивея* (1 – ‘проявляться серым цветом, сереть’, 2 – ‘становиться серым’), *мътнея* (1 – ‘восприниматься как потемневший, неотчетливый’, 2 – ‘мутнеть’), также: *жълтея, тъмнея, светлея, сребрея, леденя* и др.¹

Лишь стативное значение отмечено в словарях при таких глаголах, как *синея* ‘проявляться синим цветом’, *мокрея* ‘быть мокрым’, *киселея* ‘быть кислым/кисловатым’.

Те глаголы, которые образованы от прилагательных, указывающих на внешне наблюдаемые признаки лиц и объектов, чаще всего основным имеют значение накопления признака: *дебелея* ‘толстеть’, *тънея* ‘становиться тоньше’, *старея* ‘стареть’, *простея* ‘становиться более простым, неухоженным’. Однако некоторые из них, которые допускают

¹ Значительная часть глаголов, способных употребляться со значением нединамического проявления перцептивно воспринимаемого признака, могут иметь и рефлексивную форму: *сивея се, синея се, сребрея се, тъмнея се* и др. (см. раздел 2).

осмысление как глаголы субъективно оцениваемого признака, могут выражать статическое значение, причем в особом семантическом варианте – ‘выглядеть каким-л.’ [Радева, 1993, с. 125–126], напр. *младея* ‘выглядеть молодым’, *пустея* ‘выглядеть пустым’, *простея* ‘выглядеть простоватым’: *В интерес на истината той по младее за своите 55 години* ‘По правде говоря, он выглядит моложе своих 55 лет’; *В тази рамка картината простее* ‘С этой рамой картина выглядит простоватой’ [Там же]. Далее мы покажем, что при включении датива (в норме для них нехарактерного) круг таких предикатов со статическим значением проявления признака увеличивается.

Общая закономерность при употреблении датива для указанных групп глаголов, как показывает наш материал, заключается в том, что датив не присоединяется к предикатам со значением накопления, нарастания, изменения признака. Если глагол, который в словарном толковании имеет такое значение, использован с дативом, то он, как мы увидим далее, теряет динамическую семантику и функционирует как глагол статического положения дел (‘иметь признак’, ‘проявлять признак’, ‘выглядеть каким-л.’).

Что касается отыменных глаголов на *-а/я* (в 3 л. ед. ч. с финалью *-и*), то в их семантической парадигме нет значения накопления признака. Однако лишь небольшая их часть способна выражать статическое проявление временного признака (*блестя*, *киселя*, *сладня*, *горча*, *лютя*, *паря*), и они включены в наш анализ, в то время как остальные имеют значение ‘снабжать признаком, названным мотивирующим именем’ и, следовательно, противопоставлены глаголам на *-ея* как каузативные, ср. *черня* ‘делать черным’ – *чернея* ‘чернеть’, *мокря* ‘делать мокрым’ – *мокрея* ‘быть мокрым’.

Отыменные глаголы с каузативным значением, как показывает наш материал, не присоединяют датив экспериенцера и тем более оценки. Если включение датива осуществляется, значит, глагол использован в некаузативном значении. Частично это отражено и в словаре. Ср. *мокря* ‘делать мокрым, влажным’, но (безл.) *мокри ми* – ‘чувствовать влагу, мокроту, обычно при прикосновении’ [РБЕ, 1977–2015], что сближает это употребление с глаголом проявления признака на *-ея*, ср. *мокрее ми* с тем же значением.

Таким образом, нас будут интересовать только глаголы, которые имеют значение (статического) проявления признака, мотивированного именем. Это значение закреплено для них в словаре или появляется при сочетании с дативом в тексте.

Статья строится следующим образом. Сначала мы рассмотрим конструкции с присоединением экспериенциального датива (раздел 2),

а затем перейдем к особенно важным для нашей темы случаям, когда датив маркирует фигуру оценивающего субъекта, – субъекта эпистемической оценки (раздел 3) и субъекта ментальной оценки (раздел 4), там же будет показано, какими иными типами предикатов расширяется область функционирования оценочного датива в болгарской разговорной речи.

Примеры собраны с помощью поисковых систем (с орфографической и пунктуационной коррекцией, в единичных случаях – адаптированные), в незначительной степени использован материал Болгарского национального корпуса (в связи с малой представленностью в нем современной разговорной речи [Коева и др., 2012]).

2. Датив экспериенцера

Важной особенностью предикатов перцептивно воспринимаемого признака в литературном болгарском языке является их способность присоединять лексически не обусловленный дативный компонент, при этом они осмысляются как предикаты перцептивного воздействия, открывая позицию для экспериенцера-воспринимающего [Петрова, 2006, с. 119–122].

Особенно склонны к присоединению экспериенциального датива предикаты воспринимаемого органами чувств **вкусового признака** (такие как *сладнее/сладни, киселее, горчи, солнее* или дериваты с семантикой слабой степени выраженности признака *нагарча, накиселява*). Данная функция датива при части глаголов находит отражение и в лексикографической практике:

горча *нсв. нпрх.* Иметь горький вкус. *Бирата горчи.* ‘Пиво горькое, имеет горький вкус’. **горчи ми** *нпрх.* Чувствовать горький вкус.

киселея *нсв. нпрх.* Иметь кислый вкус: *Виното киселее.* ‘Вино кислое, имеет кислый вкус’. **киселее ми** *нпрх.* Чувствовать кислый вкус. *Киселее ми в устата.* ‘Мне кисло во рту’.

сладня *нсв. нпрх.* Иметь сладковатый вкус. *Хлябът сладни.* ‘Хлеб сладковатый’. **сладни ми** *нпрх.* Чувствовать сладковатый вкус. [Български тълковен речник, 2006].

Введение в предикацию фигуры субъекта восприятия может сопровождаться появлением диминутивного значения признака, например: *сладнее ми* ‘я чувствую сладкий вкус / сладковатый вкус’.

Подобным же образом оформляется экспериенциальный участник при глаголах других типов ощущений: тактильных (*влажнее ми* ‘чувствую влагу / легкую влагу’; *студенее ми на врата* ‘чувствую холод в области шеи’, *топли ми на ръцете* ‘мне тепло рукам’), обонятельных (*мирише ми на люляк / вони ми на тиня / ухае ми на рози* ‘[чувствую,

что] пахнет сиренью / воняет тинной / благоухает розами'). Предикаты данных типов восприятия, в целом немногочисленные, большей частью не являются отыменными, за исключением предикатов ощущений влажности и температуры, поэтому далее не рассматриваются, см. о некоторых из них [Градинарова, 2017].

Датив экспериенцера может встречаться и при предикатах проявления **цветового признака**, напр. *зеленее, жълтее, червене, тъмнее, белее, сребрее, блестя* и др. При глаголах этого типа экспериенциальный датив реализуется как датив наблюдателя. В обычном случае в болгарском языке глаголы проявления цветового признака функционируют как одноместные, без датива, описывая выделенность объекта в пространстве восприятия наблюдателя своими цветовыми или световыми свойствами (аналогично подобным предикатам в русском языке), см. (10)–(11). Большинство таких глаголов может употребляться и в рефлексивной форме (12), с небольшими семантическими различиями. Так, В. Радева толкует нерексивную форму *белее* как «имеет, проявляет белый цвет», рефлексивную *белее се* – как «показывается белым» [Радева, 1993, с. 111–113].

(10) *В храстите червенеят дъхави малини.*

‘В кустах краснеет пахучая малина.’

(11) *А далече на юг синее Балканът, обвит в мараня като мираж.*

‘А далеко на юге синее Балкан, окутанный знойной пеленой, как мираж.’

(12) *По склоновете на планината се белееше пресен сняг.*

‘На склонах горы белел свежевывавший снег.’

Употребление дативной клитики в экспериенциальном значении при глаголах цветовых проявлений, возможно, например, когда объект неидентифицирован, воспринимающий находится на первом этапе восприятия и реагирует только на наличие цветового признака как на способ проявления объекта. В таком случае место объекта перцепции обычно занято местоименной именной группой в позиции подлежащего, вводящей неидентифицированный предмет, а датив маркирует субъекта зрительного восприятия. Тем самым задается пространство наблюдателя, в котором объект выделяется цветовым пятном. В таких случаях употребляются как нерексивные (13)–(14), так и рефлексивные (15) глаголы, и последние даже более характерны:

(13) *Нещо ми жълтее в тревата.*

‘[Вижу,] в траве что-то желтеет.’

- (14) *Какво е това, дето ми жълтее в тревата?*
 ‘Что это там такое, что [мне] желтеет в траве?’
- (15) *На влизане в село Дръмша нещо ми се червенеет. Присвивам очи – плюшен костюм на Дядо Коледа е захвърлен на една поляна.*
 ‘Подхожу к селу Дрымша, [смотрю,] что-то краснеет.
 Прищуриваюсь: плюшевый костюм Деда Мороза валяется на поляне.’

Итак, при каких условиях эти виды экспериенциального датива способны к переосмыслению как маркеры субъекта оценки?

3. Датив субъекта эпистемической оценки

Датив субъекта, оценивающего свое восприятие с точки зрения достоверности/недостоверности получаемой перцептивной информации, возможен при разных типах восприятия. Здесь мы остановимся прежде всего на двух типах предикатов – цветового проявления и вкусового ощущения, – представляющих дистантный и контактный тип восприятия. Наиболее регулярно эпистемический датив реализуется при предикатах цветового проявления, что связано, как мы покажем далее, с ситуациями, которые порождаются дистантным характером перцепции и искаженностью восприятия.

3.1. Эпистемический датив при предикатах цветового проявления

В конструкциях с эпистемическим дативом используются только невозвратные глаголы проявления цветового признака. Место подлежащего в такой структуре занято именем определенного, идентифицированного объекта:

- (16) *Среброто не е ли бяло, нещо ми жълтее гарда.*
 ‘Серебро разве не белое, что-то гарда мне **кажется** желтоватой.’
- (17) *Картината на телевизора леко ми зеленеет, кореспондира със зловата, която се лее, и все едно съм попаднал в ада.*
 ‘Картинка в телевизоре мне **кажется** зеленоватой и соответствует льющейся злобе, и я будто в аду.’

А.А. Градинарова, анализируя подобные конструкции, усматривает в дативе двоякую роль – экспериенцера и доксического субъекта (т.е. субъекта недостоверного знания, мнения) [Градинарова, 2017, с. 58–60]. Действительно, ситуация, представленная в (16)–(17), включает в себя оценку достоверности, так что есть основания считать, что субъект, выражаемый дативом, сочетает роли экспериенциального

и эпистемического субъекта. Далее для краткости будем называть его эпистемическим, чтобы подчеркнуть важность ментальной операции. А.В. Циммерлинг, также давая эпистемическую интерпретацию конструкциям подобного типа, анализирует их как предложения с оператором КАЖЕТСЯ [Циммерлинг, 2021, с. 302–303]. Как видим, авторы сходятся в том, что в качестве элемента толкования (метаязыка) при описании таких конструкций целесообразно использовать оператор (семантический предикат) ‘кажется’.

В то же время предикат ‘кажется’ может соответствовать разным операциям говорящего. Во-первых, сам эпистемический (или ментальный) модус не является единым и однородным и имеет сложную структуру. Так, Н.Д. Арутюнова в рамках ментального (эпистемического) модуса выделяет модусы полагания (*думаю, считаю, полагаю, кажется*), сомнения и допущения (*возможно, сомнительно, маловероятно*), истинностной оценки (*верно, ложно, исключено*), знания (*знать, понимать, догадываться*), незнания (*неизвестно, тайна, загадка*), общей оценки (*хорошо, плохо*) [Арутюнова, 1988, с. 120–129]. Со времени выхода этой работы Н.Д. Арутюновой в рамках модуса полагания, или мнения, к которому относится и глагол *казаться*, были введены дополнительные противопоставления, а именно, выделены мнение-предположение (*Я думаю, что фильм интересный – ‘не видел, но предполагаю’*) и мнение-оценка (*Я считаю, что фильм интересный – ‘видел и оценил’*), см. [Дмитровская, 1985]. Это противопоставление, вообще говоря, распространяется и на *казаться*.

Кроме того, в группе предикатов мнения *казаться* занимает особое положение, т.к. обслуживает и перцептивные, и ментальные операции. Ю.Д. Апресян включает глагол *казаться 1* в два синонимических ряда – перцептивный *выглядеть, казаться 1* [Апресян, 2000а] и ментальный *казаться 1, сдаваться, представляться 2, думаться 1* [Апресян, 2000б]. Эта связь основана на том, что восприятие и сознание человека тесно связаны (ср. *воображение, образ, впечатление*). Показательно, что в толковании перцептивного *казаться* используются такие элементы, как ‘считать’, ‘уверен’, ‘истинность’: *выглядеть, казаться 1* = ‘внешний вид или поведение X-а дает наблюдателю основание воспринимать X как P или считать X P-м, причем наблюдатель может быть не вполне уверен в истинности того, что X – P’ [Апресян, 2000а].

Важное для нашей темы свойство ментального *казаться* состоит в том, что этот предикат «описывает разные степени ощущения истинности мысли – от относительной уверенности субъекта... в ее достоверности до полной уверенности в ее ложности» [Апресян, 2000б], ср. *Кажется, кто-то разговаривает vs. Это только кажется*.

Исходя из этих особенностей предиката *казаться*, применительно к материалу цветовых признаков целесообразно различать два типа ситуаций восприятия. Ключевым семантическим предикатом, объединяющим оба типа ситуаций, является ‘ВПЕЧАТЛЕНИЕ’. В обоих случаях речь идет о впечатлении от объекта, но условия, в которых возникает впечатление, различаются.

В первом случае (обозначим его как **неуверенность**) субъект не имеет достоверной информации. Субъект (говорящий) сообщает о своем восприятии цветового признака в ситуации измененной перцепции (она затруднена или нарушена по каким-то причинам). Датив маркирует, что субъект не претендует на истинность сказанного. В то время как эпистемический глагол *кажется* (как и болг. *струва ми се*) выражает смысл предположительности, неуверенности лексически, глаголы перцептивно воспринимаемого признака типа *жълтея* могут использовать другой способ маркирования значения недостоверности – эпистемический датив, ср. *Х ми се струва жълт* ‘Х мне кажется желтым’ и *Х ми жълтее* ‘То же’.

Использование такого датива характерно для интернет-обсуждений цветовых особенностей разнообразных объектов. Чаще всего речь идет о наличии нехарактерного оттенка у изображений предметов.

- (18) *Единствено камъкът по фасадата ми жълтее нещо – вероятно от залязващото слънце.*

‘Только вот камень в облицовке фасада **кажется** желтоват (букв. мне желтеет) – наверное, из-за заходящего солнца.’

- (19) *Сираков, композицията много ме кефи, <...>ама нещо ми зеленее кадъра. Не знам дали е авторско виждане, дали е моя монитор (ама май не, понеже с други снимки го няма този проблем) или какво, но наистина ми бие на зеленикаво.*

‘Сираков, композиция просто супер, но что-то кадр мне **кажется** зеленоватым. Не знаю, может это авторское решение, или это мой монитор (но вроде нет, ведь с другими фото нет этой проблемы), или что-то другое, но действительно уходит, как кажется, в зеленый.’

Ср. с примером без датива, где в отсутствие эксплицитного субъекта мнения информация представляется как достоверная:

- (20) *Притеснително много **синее** зеленото на знамето ни.*
букв. ‘Подозрительно сильно синее зеленое на нашем флаге.’

Помимо предикатов основного цветового спектра, имеются образования для смешанных цветов, пестрых расцветок, световых эффектов (розовее, сребрее, лъскавее, тъмнее и др.).

(21) *Да дадеш отзив като я пробвах, че цветът на снимката никак не ми изглежда “ultra ash”, ами направо **ми златее**.*

‘Напиши отзыв, когда попробуешь ее [краску для волос], а то цвет на снимке, по-моему, не выглядит как “ultra ash” (ультра пепельный), а прямо-таки золотистый (букв. прямо-таки [мне] золотится)’.

Показателями неуверенного знания служат, как в примерах (18), (19), (21), эпистемические глаголы в контексте (*изглежда* ‘выглядит’), частица *май* ‘как будто бы’, ‘вроде бы’, лексические показатели нечеткости видения и неясности причин цветового нарушения: *нещо* ‘почему-то’, *някак* ‘как-то’. В примерах имеются перифразы, которые выражают то же значение кажущности цветового восприятия: *не ми изглежда “ultraash”* ‘по-моему, не выглядит как “ultra ash” (ультра пепельный)’, *бие ми на зеленикаво* ‘уходит (как мне кажется) в зеленый’ и пр.

Во втором случае (обозначим его как **искажение**) цветовой признак для субъекта определен, заранее известен (например, когда обсуждается принадлежащий ему предмет), но субъект сообщает о его искажении – на мониторе (22)–(23) или при самовосприятии, как в примере (24), где сравнивается цвет косметического средства в упаковке и на своей коже. То есть субъект квалифицирует воспринимаемый в данных условиях цветовой признак как искаженный («недостовверный»), отличный от настоящего цвета объекта:

(22) *На екрана [лакът] нещо **ми синее**, а всъщност е наситено лилав.*
‘На экране [лак] почему-то **выглядит** синим, а вообще-то он насыщенный лиловый.’

(23) *Пък и черното нещо **ми сивее** на моя монитор, ама от предишните страници изглежда по друг начин?*
‘Да и черное что-то **выглядит** серым на моем мониторе, а на предшествующих страницах выглядит другим образом?’

(24) *Цвета [на пудрата] е златист към прасковен... Нанесен на лицето ми обаче на мен ми изглежда светло-златист, дори **ми белее**.*
‘Цвет пудры золотистый, ближе к персиковому... Но при нанесении на лицо он лично мне кажется светло-золотистым, даже беловатым (букв. белеет мне даже).’

В русском языке в подобных случаях используются глаголы *выглядеть* или *казаться*, причем больше соответствует данному типу оценки глагол *выглядеть*, который передает, как отмечается в [Апресян, 2000а], более объективное впечатление, ср.: *При таком освещении черное выглядит серым; Персиковая пудра на моем лице выглядит белой.*

3.2. Эпистемический датив при предикатах вкусового ощущения

3.2.1. Как и в случае с предикатами цветового проявления, оценивающий субъект в виде датива появляется в конструкциях, где объект восприятия обозначен определенной именной группой, занимающей позицию подлежащего. В таком случае через датив может быть введен не только субъект вкусового ощущения, но и субъект оценки.

В то же время контактный тип восприятия затрудняет разделение этих значений². Для того чтобы субъект при предикате вкусового восприятия однозначно был квалифицирован как эпистемический, нужны условия, которые указывают на искаженное восприятие. Так, в примерах (25)–(26) датив маркирует эпистемического субъекта: не вкус продукта виноват, а измененные условия перцепции. В ситуации нарушенного восприятия (после родов (25); еда в одиночестве (26)) изменились или меняются вкусовые ощущения, вкус продуктов кажется иным:

(25) *След като родих, неизвестно защо, изведнъж алкохола ми
опротивя. Не ми е вкусен, горчи ми, киселее ми...*

‘После родов, непонятно почему, алкоголь мне стал противен.

Кажется невкусным, горьким, кислым.’

(26) *Без приятели не мога, всеки залък ми присяда, виното ми
киселее, хляба сякаш камък става.*

‘Без друзей не могу, каждый кусок встает комом, вино **кажется** кислым, хлеб – как камень.’

В примерах (27)–(28) вкус продуктов тоже искажен, хотя говорящий (субъект восприятия и эпистемической оценки) осознает, что нет внешних причин для такого вкусового ощущения, искажение происходит внутри субъекта восприятия:

² Меньшая затруднительность выделения эпистемического субъекта при глаголах зрительной перцепции (см. раздел 2) определяется спецификой этого типа восприятия: оно не просто является дистантным, но и «тесно связано с ментальной сферой: во-первых, зрительное восприятие является базой и одним из важных источников получения ментальной информации, во-вторых, само восприятие связано с ментальной обработкой (классификацией, идентификацией, осмыслением) воспринимаемых объектов и ситуаций» [Кустова, 2022].

(27) *Направих тиквеник и ми солене, не мога да разбера от какво. Нищо солено не съм слагала.*

‘Сделала пирог из тыквы, и мне он **кажется** соленым, не могу понять почему. Ничего соленого не положила.’

(28) *Моля някой да даде нормално обяснение, защо непрекъснато всичко солено ми сладни. Кръвна захар нормална.*

‘Кто-н. может дать нормальное объяснение, почему все соленое постоянно мне **кажется** сладковатым (букв. мне сладнит). Сахар в крови – в норме.’

Но не всегда возможно однозначно вычленить эпистемическую составляющую, что связано со спецификой вкусового восприятия: стимул (источник ощущения) находится в том же пространстве, что и воспринимающий. Так, в примерах (29)–(30) представлены случаи, когда конструкция допускает двойное толкование. Экспериенциальное и эпистемическое значение датива здесь плохо дифференцируются:

(29) *И аз я [тортата] правих с «Бела» и не ми соленееше.*

‘Я тоже делала его [торт] с «Беллой», и я **не чувствовала** соленый привкус / **мне не показался** соленым.’

(30) *Ако кафето, което правиш с кафеварка, ти горчи, намали грамажа смлени зърна и започни процеса с гореща вода.*

‘Если кофе, который ты делаешь в кофеварке, **тебе кажется горьким** / **тебе горчит**, уменьши грамаж молотых зерен и начинай процесс с горячей воды.’

Отметим, что есть лексемы вкусовых ощущений на -а/я, которые не подвергаются переосмыслению с дативом эпистемической оценки. Таковы глаголы *люти*, *пари*, при которых датив прочитывается только экспериенциально: *люти ми от лука* ‘мне едко от лука’; *пари ми в гърлото* ‘мне жжет в горле’ (это замечено и в [Градинарова, 2017]). Полагаем, что отличие этих глаголов от рассмотренных выше предикатов вкусового ощущения состоит в том, что предикат в конструкциях *пари ми*, *люти ми* и подобных образован переносом от агентивных глаголов воздействия, т.е. в их семантической структуре присутствует каузатор, который и осуществляет воздействие за счет своих свойств, см. об этом семантическом переходе в [Кустова, 2004, с. 274]. Присоединение датива не меняет эту ситуацию, которая представлена как каузирующее действие внешней силы.

Конструкции с субъектом эпистемической оценки при предикатах проявления вкусового и цветового признака широко распространены в болгарской интернет-коммуникации: в социальных сетях, форумах,

блоггах, где этот компактный – только через датив – способ подчеркивания собственных ощущений хорошо вписывается в ситуации спонтанных обменов мнением и оценочных реакций.

3.2.2. Эпистемическая оценка не является единственным типом оценочного значения при предикатах цветового и вкусового признака. Часть примеров можно выделять как особый тип оценки. Мы назовем ее **оценкой (не)соответствия эталону**: субъект восприятия оценивает имеющийся признак по его отношению к норме – общепринятой или своей собственной. Подробнее о данной функции датива в болгарском языке на фоне русского см. [Иванова, Кустова, Лесева, 2022]. Например:

- (31) *Аз взимам заквасена – по-лека за готвене ми е и по-вкусна. Има едни течни сметани в кутии, **сладнят ми** и са ми тежки. ‘У меня есть заквашенная [сметана] – более легкая для готовки и более вкусная. Есть жидкая сметана в баночках, она **для меня** сладковата и тяжеловата.’*
- (32) *Мене тоналността малко ме смущава, **зелене ми** малко излишно. ‘Лично меня несколько смущает тональность, [для меня] многовато зеленого.’*

В таких случаях тоже возможно двойное толкование: либо восприятие субъекта искажено, либо сообщается о несоответствии его ожиданиям и предпочтениям:

- (33) *Солена им се вижда бразилската вода, **мутнее им** океанът, **киселят им** кокосите. ‘Бразильскую воду они считают соленой, мутным им **кажется** океан, кисловатыми – кокосы / мутный **для них** океан, кисловаты **для них** кокосы’ (букв. мутнеет им океан, кислят им кокосы) [о недовольных туристах, привыкших к мрачной городской жизни]*

Датив при предикатах восприятия может встречаться и в функции внешнего посессора, но контекст обычно легко снимает эту омонимию. Например, в следующем предложении говорящий жалуется, что **у него** фотографии получаются желто-зеленые (использован окказионально образованный глагол *зелено-жълтея*):

- (34) *Зелено-жълтеят ми снимките и тва е!.. Споменаха ми да пробвам Портретен режим... ще го пробвам. ‘Желто-зеленые (букв. зелено-желтеют) у **меня** фотографии и все тут... Мне тут посоветовали портретный режим, попробую.’*

4. Расширение моделей с дативом оценки в разговорном болгарском языке. Ментальная и интерпретационная оценка

Конструкции, которые будут рассмотрены в данном разделе, являются разговорными, а некоторые и нестандартными с точки зрения литературной нормы, и еще не отражены в лингвистических исследованиях.

Напомним (см. раздел 1.2), что небольшая часть отадективных глаголов с финалью *-ея* в болгарском языке может употребляться со значением «выглядеть каким-л.»: *младея* ‘выглядеть молодым’, *пустея* ‘выглядеть пустым’ [Радева, 1993, с. 125–126]. В норме они используются без датива. В современном разговорном языке эта группа не только присоединяет датив субъекта мнения, но и лексически расширяется, включая даже глаголы с единственным значением накопления признака (напр. *старея* ‘стареть’, *едрея* ‘становиться крупнее’). Присоединение датива блокирует динамический компонент в семантике таких глаголов, в результате они функционируют как статические предикаты проявления признака, а сама предикация получает оценочное приращение.

Выражаемая оценка может быть разных типов. Возможна реализация оценочного датива как субъекта эпистемической оценки, как и при предикатах цветового проявления, рассмотренных в разделе 3.1. Предикации в примерах (35)–(37) сходны с предикациями цветового проявления тем, что представляют собой зрительный тип восприятия. Таким образом, функция датива эпистемической оценки, особенно характерная для глаголов цветового проявления, распространяется и на другие глаголы, способные отражать ситуации зрительного восприятия.

(35) *Алисия определено ми старее с тази тъмна коса.*
‘Алисия мне **кажется** явно старой (букв. мне стареет)
с этими темными волосами.’

(36) *Но и на мен³ ми едрейт Наоми и Тайра. Обаче Тайра ми едрее
бая повече!*
‘Но Наоми и Тайра и мне **кажутся** довольно крупными /
выглядят крупными [на мой взгляд]. Хотя Тайра мне **кажется**
значительно более крупной’ (букв. мне крупнеют, мне крупнеет)

³ В примерах (36) и (37) мы наблюдаем дублирование местоименной клитики *ми* полной формой дательного падежа на *мен*. Одна из важных функций этого повтора в болгарском языке заключается в оформлении коммуникативного акцента на местоименной именной синтагме (местоименная клитика сама по себе безударна и не может нести коммуникативную нагрузку). В рассматриваемых здесь моделях это позволяет подчеркнуть, что говорящий (субъект оценки) обладает собственным мнением, которое может отличаться от других; тем самым значимость личного мнения повышается. Такое дублирование встречается и в окружающем модель контексте, см. (24), где дополнительно акцентировано личное восприятие говорящим цветового признака – на *мен ми изглежда светло-златист*. Использование дублированной формы, а не просто краткой, не всегда допустимо (по различным причинам), ср., напр., (23), где личная перспектива уже задана притяжательным местоимением *моя*: *Пък и черното нещо ми сивее на моя монитор*.

- (37) *Да съм честен, на мен малко **ми грознее** отпред, поне по това, което виждам от снимката.*
 ‘Буду честным, [по-моему] выглядит [машина] немного уродливо спереди, по крайней мере как я это вижу по фото.’

Еще один тип оценки, который способны выразить глаголы на *-ея*, – это оценка интеллектуальная (ментальная). Присоединяясь к глаголам, образованным от прилагательных с оценочной семантикой (*глупав, тъп, прост* ‘глупый, тупой’) или допускающих такое переосмысление (*евтин* ‘дешевый’, *слаб* ‘слабый’), датив вводит фигуру оценивающего субъекта, подчеркивает личную точку зрения говорящего при оценке объекта (обычно человека или продуктов интеллектуальной деятельности):

- (38) *Текста в частта на Графа доста **ми тънее** с тия детски рими, ама иначе парчето не е никак лошо.*
 ‘Текст в куске Графа мне **кажется** дурацким из-за этих детских рифм, но вообще сингл неплохой’ (букв. Текст мне тупеет)

- (39) *Много **ми евтинее** и **простее** това момиче.*
 ‘Эта девушка [по моему мнению] дешевая и простоватая.’

- (40) *Нищо не разбрах от тая виц, **глупее ми** леко.*
 ‘Я ничего не понял в этом анекдоте. **По-моему**, какой-то глупый.’

- (41) *По принцип избягвам да слушам бг хип хоп, че малко **ми тънее**, но тая песничка е много добра.*
 ‘В принципе, я избегаю слушать болгарский хип-хоп, он мне **кажется** примитивным, но эта песня очень хорошая.’

- (42) *Слабее **ми** тази логика.*
 ‘Мне эта логика **кажется** слабой’ (букв. Мне слабеет эта логика).

В орбиту этой новой модели вовлекаются и новосозданные отадь-активные окказионализмы, как глагол *скучнея* в (43), отсутствующий в словарях болгарского языка:

- (43) *Не мога да догледам епизод до края. **Скучнее ми** и **ми простее** и грам не ми е смешен.*
 ‘Не могу досмотреть серию до конца. **Кажется** скучной и туповатой и ни на грамм не смешной.’

Все эти высказывания обладают высокой экспрессивностью благодаря своей необычной сочетаемости: в отличие от предикатов перцептивно воспринимаемого признака, которые, как мы видели, даже в литературном языке способны к присоединению датива хотя бы

в чисто экспериенциальном значении, предикаты типа (35)–(43) в норме не могут присоединять датив ни в какой из его функций. Их нестандартность очерчивает и основную сферу их функционирования – неформальная разговорная речь.

В целом конструкции (35)–(43) схожи с еще одной разговорной моделью, где датив действует таким же образом. Это предложения с прилагательными в предикативной позиции. Так, в примере (31) выше использованы конструкции *по-лека за готвене ми е / тежка ми е* ‘эта сметана [мне] более легкая для готовки / тяжеловата’, см. и оценочные прилагательные в (44)–(46). Лексические возможности у конструкций с адъективными предикатами шире, чем у замкнутой группы отадъективных глаголов на *-ея* (ср. *абсурден* в (46), для которого нет аналогичного образования на *-ея*).

(44) *Глушава ми е Мая, но тя е обградена от мафиоти и приема нещата донякъде за нормални.*

‘Майя глупая [с моей точки зрения], но ее окружает мафия, и для нее все это кажется почти нормальным.’

(45) *Глушава ми е рекламата на «Виногин» с д-ра и тази на «Цитровит» с жената със запушения нос.*

‘Мне **кажется** глупой реклама «Виногина» с доктором и реклама «Цитровита», где женщина с заложенным носом.’

(46) *Абсурдна ми е тая теория.*

‘Мне эта теория **кажется** абсурдной.’

Обратим внимание, что модель с глаголами на *-ея* не выражает такую разновидность интеллектуальной оценки, как **интерпретация**. Интерпретация направлена на определенный тип контролируемых ситуаций – действия и поступки, имеющие социальную значимость, этический аспект и др. [Кустова, 2021]. Субъект интерпретации Y оценивает поведение, поступок или действие Р субъекта X, см. примеры с предикативами (47)–(50) далее.

Затрудненность выражения этой семантики у рассмотренных выше отадъективных глаголов объясняется синтаксическими и словообразовательными ограничениями в этой группе на *-ея*: значение проявления признака препятствует присоединению придаточного, сообщающего о поведении или действии X-а, которое могло бы быть оценено Y-ом с помощью интерпретационного предиката, да и сам мотивирующий признак в дериватах этой группы не имеет интерпретационного значения.

Далее представим модель, в которой через датив реализуется субъект интерпретационной оценки.

Датив интерпретационной оценки фиксируется прежде всего при предикативах на *-о*. В ряде работ [Градинарова, 2010; Петрова, 2020] отмечалось, что процесс расширения модели внутреннего состояния (типа *Неприятно ми е*; *Добре ми е*) в болгарском языке вовлекает в нее самые разные группы предикативов, включая интеллектуальные реакции (*нелогично ми е*, *абсурдно ми е*, *че Р*). Последние мы будем называть предикативами интерпретации, вслед за подходом, предложенным в [Кустова, 2021].

Используя интерпретационные предикативы, как в (47)–(50), субъект интерпретации *У* оценивает ситуацию *Р* с точки зрения этической или социальной (*инфантилно ми е*, *претенциозно ми е*, *нелепо ми е*) или дает оценку рациональности или естественности поведения других людей (*нелогично ми е*, *абсурдно ми е*, *фалшиво ми е*), эксплицируя посредством дативной клитики свое личное мнение. В частном случае субъект может выполнять две роли (*Х-а* и *У-а*) и смотреть «со стороны» на свои собственные, обычно потенциально возможные, поступки (50).

- (47) **Ненормално ми е** да ми кажат «Обадете се след шест седмици».
‘Мне **кажется** ненормальным (букв. Мне просто ненормально), если говорят «Позвоните через шесть недель»’
- (48) *Не приемам тезата, че един умен човек може да остане беден.*
Неприлично ми е, направо.
‘Я не приемлю тезис, что умный человек может остаться бедным.
По-моему, это просто неприлично.’
- (49) **Нелепо ми е** да ми с лъскави рокли да подскачат по чорапи и под кристален полилей.
‘Мне **кажется** нелепым, когда дамы в блестящих платьях скачут, сняв обувь, под хрустальной люстрой.’
- (50) **Нелогично ми е** да давам пари за нещо некачествено.
‘Мне **кажется** нелогичным отдавать деньги за что-то некачественное.’

Дативные конструкции с интерпретационными предикативами, как и рассмотренные выше оценочные предикаты на *-ея*, хорошо вписываются в неформальные диалоги сетевого общения, где важно кратко и экспрессивно донести личное мнение говорящего. В социальных сетях, форумах, блогах подобные конструкции провоцируются «желанием подчеркнуть собственную точку зрения и позицию, часто вразрез с общепринятой, с утвержденным стандартом или критерием» [Петрова, 2020, с. 104]. Датив субъекта оценки позволяет это сделать наиболее компактным и нестандартным способом.

Заключение

В современном болгарском языке, особенно в языке интернет-коммуникации (который воспроизводит многие черты разговорной речи), наблюдается включение датива, маркирующего субъекта высказываемого мнения, в конструкции с разными типами предикатов, в результате чего в этих конструкциях обнаруживается семантический сдвиг – значение разного рода оценки (наряду с перцептивным или как самостоятельное). Введение фигуры субъекта, высказывающего свою точку зрения, сомнение или оценку, можно выразить и другими средствами: *струва ми се* ‘кажется’, *смятам* ‘считаю’, *според мен* ‘по-моему’, за мен ‘для меня’ и т.п. Использование датива вместо этих средств порождает нестандартное высказывание, т.к. датив присоединен к предикатам, для которых либо вообще не характерна такая сочетаемость (как у отадекватных глаголов типа *глупея*, *простея*, *хубавея*, *старея* или у интерпретативов типа *ненормално е*, *абсурдно е*, *неприлично е*), либо дативная клитика в норме допустима, но только для обозначения экспериенциального участника (*киселее ми*, *сладни ми*). Нестандартная сочетаемость стилистически ограничивает функционирование таких конструкций. Хотя большинство из них являются маркером неформального разговорного стиля, не исключено, что и они будут постепенно освоены болгарским литературным языком в той же степени, что и конструкции со структурным дативом экспериенциального типа (как *киселее ми* ‘мне кисло, кислит’). Но уже сейчас можно констатировать, что функциональная палитра болгарского местоименного датива обогащена новыми значениями.

Библиографический список / References

Андрейчин, 1958 – Андрейчин Л. Енклитични притежателни местоимения в българския език // Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнината му. В. Бешевлиев, В. Георгиев (ред.). София, 1958. С. 199–200. [Andreichin L. Enclitic possessive pronouns in Bulgarian. *Izsledvaniya v chest na akad. Dimitar Dechev po sluchai 80-godishninata mu*. V. Beshevliev, V. Georgiev (eds.). Sofia, 1958. Pp. 199–200. (In Bulgarian)]

Апресян, 2000a – Апресян Ю.Д. Словарная статья ВЫГЛЯДЕТЬ, КАЗАТЬСЯ 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., Вена, 2000. С. 198–202. [Apresyan Yu.D. Dictionary entry VYGLYADET, KAZATSYA 1. *Novyi obyasnitelnyi slovar sinonimov russkogo yazyka*. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow, 2000. Pp. 198–202. (In Rus.)]

Апресян, 2000b – Апресян Ю.Д. Словарная статья КАЗАТЬСЯ 1, СДАВАТЬСЯ 2, ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ 2, ДУМАТЬСЯ 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000. С. 456–463. [Apresyan Yu.D. Dictionary entry KAZATSYA 1, SDAVATSYA 2, PREDSTAVLYATSYA 2,

DUMATSYA. *Novyi obyasnitelnyi slovar sinonimov russkogo yazyka*. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow, 2000. Pp. 456–463. (In Rus.)]

Арутюнова, 1988 – Арутюнова Н. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. [Arutyunova N. Tipu yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytiye. Fakt [Types of language meaning. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, 1988.]

БТР, 2006 – Български тълковен речник. София, 2006. [Bolgarski tolkoven rechnik [Explanatory dictionary of Bulgarian]. Sofia, 2006.]

Градинарова, 2003 – Градинарова А. О специфике болгарского экспериенцера в сравнении с русским (на материале болгарских и русских предложений со значением восприятия) // Болгарская русистика. 2003. № 3–4. С. 5–9. [Gradinarova A. On the specifics of the experienter in Bulgarian in comparison with Russian (based on Bulgarian and Russian sentences with the meaning of perception). *Bolgarskaya rusistika*. 2003. No. 3–4. Pp. 5–9. (In Rus.)]

Градинарова, 2010 – Градинарова А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 2010. № 3–4. С. 34–55. [Gradinarova A. Impersonal constructions with a dative subject and a predicative ending in -o in Russian and Bulgarian. *Bolgarskaya rusistika*. 2010. No. 3–4. Pp. 34–55. (In Rus.)]

Градинарова, 2017 – Градинарова А. Некоторые особенности представления субъекта восприятия в болгарских конструкциях в сравнении с русскими // Язык. Текст. Дискурс. 2017. № 15. С. 58–65. [Gradinarova A. Some features of the representation of the subject of perception in Bulgarian constructions in comparison with Russian. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 2017. No. 15. Pp. 58–65. (In Rus.)]

Грамматика, 1983 – Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София, 1983. [Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik [Grammar of modern standard Bulgarian]. Vol. 3. Sintaksis. Sofiya, 1983.]

Джонова, 2003 – Джонова М. Изречения със семантичната роля експериенцер в съвременния български език: Автореф. на дис. ... «доктор». София, 2003. [Dzhonova M. Izrecheniya sas semantichnata rolya eksperientser v savremenniya balgarski ezik [Sentences with an experienter in the modern Bulgarian language]. DhD thesis. Sofiya, 2003.]

Дмитровская, 1985 – Дмитровская М.А. Глаголы знания и мнения: Значение и употребление: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. [Dmitrovskaya M.A. Glagoly znaniya i mneniya: Znachenie i upotreblenie [Verbs of knowledge and opinion: Meaning and usage]. PhD thesis. Moscow, 1985.]

Иванова, 2016 – Иванова Е.Ю. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением експериенцера в болгарском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Под ред. А.В. Циммерлинга, Е.А. Лютиковой. М., 2016. С. 332–368. [Ivanova E.Yu. Impersonal sentences with an obligatory pronominal experienter in Bulgarian. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*.). A. Zimmerling, E. Lyutikova (eds.). Moscow, 2016. Pp. 332–368. (In Rus.)]

Иванова, Кустова, Лесева, 2022 – Иванова Е.Ю., Кустова Г.И., Лесева С. Датив субъекта мнения и субъекта оценки в болгарском разговорном языке (на фоне русского) // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. С. Коева, Е.Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). София, 2022. С. 404–426.

[Ivanova E.Yu., Kustova G.I., Leseva S. Subject of opinion and subject of evaluation dative in colloquial Bulgarian (as compared with Russian). *Ontologija na situaciiite za sastojanie – lingvisticchno modelirane. Sapostavitelno izsledvane za balgarski i ruski*. S. Koeva, E.Ivanova, J. Tisheva, A. Zimmerling (eds.). Sofia, 2022. Pp. 404–426.]

Иванова, Петрова, 2017 – Иванова Е.Ю., Петрова Г.М. Болгарские возвратные клитики *se* и *si*: омонимия, полисемия, синтаксис // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 74–104. [Ivanova E.Yu., Petrova G.M. Bulgarian reflexive clitics *se* and *si*: Homonymy, polysemy, syntax. *Voprosy yazykoznanija*. 2017. No. 1. Pp. 74–104. (In Rus.)]

Кустова, 2004 – Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. [Kustova G.I. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya [Types of derived meanings and mechanisms of language extension]. Moscow, 2004.]

Кустова, 2021 – Кустова Г.И. Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог». Вып. 20. М., 2021. С. 456–464. [Kustova G.I. Types of infinitive constructions with predicatives (according to the Russian National Corpus). *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2021)*. Issue 20. Moscow, 2021. Pp. 456–464. (In Rus.)]

Кустова, 2022 – Кустова Г.И. Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. С. Коева, Е.Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). София, 2022. С. 247–280. [Kustova G.I. Semantic types of infinitive constructions of Russian predicatives. *Ontologijanasiuaciiite za satojanie – lingvisticchno modelirane. Sapostavitelnoizsledvane za balgarskiiruski*. S. Koeva, E.Ju. Ivanova, J. Tisheva, A. Zimmerling (eds.). Sofia, 2022. Pp. 247–280.]

Минчева, 1964 – Минчева А. Развитие на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964. [Mincheva A. Razvoi na datelniya pritezhatelen padezh v balgarskiya ezik [Development of the dative possessive case in the Bulgarian language]. Sofia, 1964.]

Ницолова, 2008 – Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008. [Nitsolova R. Balgarska gramatika. Morfologiya [Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia, 2008.]

Петрова, 2006 – Петрова Г. Семантични роли на кратките дателни местоимения. Бургас, 2006. [Petrova G. Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya [Semantic roles of the dative pronominal clitics]. Burgas, 2006.]

Петрова, 2020 – Петрова Г. Безлични предикативно-дативни конструкции в българския език // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език “Проф. Любомир Андрейчин”. София, 2020. Т. 1. С. 100–106. [Petrova G. Impersonal predicative-dative constructions in Bulgarian. *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreichin”*. Sofia, 2020. Vol. 1. Pp. 100–106. (In Bulgarian)]

Радева, 1993 – Радева В. Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език. София, 1993. [Radeva V. Slovoobrazovatelna i semantichna struktura na denominalnite

glagoli v savremenniya balgarski knizhoven ezik [Word-formation and semantic structure of denominal verbs in modern standard Bulgarian]. Sofia, 1993.]

РБЕ, 1977–2015 – Речник на българския език. София, 1977–2015. [Rechnik na balgarskiya ezik [Dictionary of the Bulgarian language]. Sofia, 1977–2015.]

Циммерлинг, 2018 – Циммерлинг А.В. Эпистемические предикаты и ментальные состояния // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Под ред. Н. Арутюновой, М. Ковшовой. М., 2018. С. 45–70. [Zimmerling A.V. Epistemic predicates and mental states. *Logicheskii analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kulturakh*. N. Arutyunova, M. Kovshova (eds.). Moscow, 2018. Pp. 45–70. (In Rus.)]

Циммерлинг, 2021 – Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному. М.; СПб., 2021. [Zimmerling A.V. Ot integralnogo k aspektivnomu [From integral to aspectual.]. Moscow; St. Petersburg, 2021.]

Чешко, 1959 – Чешко Е.В. Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 5–99. [Cheshko E.V. Cases and prepositions in modern standard Bulgarian. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*. Moscow, 1959. Pp. 5–99. (In Rus.)]

Koeva et al., 2012 –The Bulgarian National Corpus: Theory and practice in corpus design. *Journal of Language Modelling*. 2012. Vol. 0. No. 1. Pp. 65–110.

Статья поступила в редакцию 03.07.2022

The article was received on 03.07.2022

Об авторах / About the authors

Иванова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры славянской филологии филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Yu. Ivanova – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1604-0088>

E-mail: e.y.ivanova@spbu.ru

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; профессор кафедры русского языка Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Galina I. Kustova – Dr. Phil. Hab.; Leading Researcher at the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS; Professor at the Russian Language Department of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

E-mail: galinak03@gmail

Лесева Светлозара Илиева – PhD (лингвистика); главный ассистент Секции компьютерной лингвистики, Институт болгарского языка Болгарской академии наук, г. София, Республика Болгария

Svetlozara I. Leseva – PhD in Linguistics; Assistant Professor at the Department of Computational Linguistics, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Republic of Bulgaria

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8198-4555>

E-mail: zarka@dcl.bas.bg

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript